

Дружинин Андрей Сергеевич

**О СТАТУСЕ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ
КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Данная статья представляет собой попытку не столько решить проблему сослагательного наклонения как грамматической категории английского языка, сколько ответить на вопросы: "А что такое сослагательное наклонение вообще? Для чего и как мы используем эту языковую форму в своем общении?". В современном языкознании подобные исследовательские цели достигаются с помощью применения последних данных когнитивной лингвистики, в частности, био-социо-культурного подхода, суть которого излагается читателю наглядно и схематично.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/2/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (13). С. 62-66. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

13. **Betz G.** Meet the New Cable Guy // *Fortune*. 2001. 23 July.
14. **Ernsberger R.** The Patron Saint of Channel Surfing // *Newsweek*. 1993. Vol. 121. Issue 22. P. 46-48.
15. **Kirkpatrick D.** How Good an Investor is Paul Allen? // *Fortune*. 1997. 28 April.
16. **Millman J.** You Have to Be an Optimist // *Forbes*. 1993. 24 May.
17. **Turrettini J.** Cut the Partners // *Forbes*. 2004. 26 July.

SYNTACTIC-STYLISTIC PECULIARITIES OF SPEECH GENRE "BUSINESSMAN PORTRAIT"

Elena Viktorovna Dolgova, Ph. D. in Philology
Department of Foreign Languages
Orel Agrarian University
elenadolg76@mail.ru

The author analyzes stylistics syntactic means used for the realization of influence function in the texts of the speech genre "businessman portrait", considers the most typical syntactic methods, expressiveness means, conjunctive and insert constructions helping to create a businessman image in mass-media discourse. Syntactic means (repetition, stylistic inversion, parallel constructions) are used mainly for the accentuation of the personal and speech characteristics and appearance features of a person being portrayed.

Key words and phrases: mass-media discourse; speech genre; linguo-stylistic expressiveness means; syntactic methods; parcelling; parenthesis.

УДК 81'366.594

Данная статья представляет собой попытку не столько решить проблему сослагательного наклонения как грамматической категории английского языка, сколько ответить на вопросы: «А что такое сослагательное наклонение вообще? Для чего и как мы используем эту языковую форму в своем общении?». В современном языкознании подобные исследовательские цели достигаются с помощью применения последних данных когнитивной лингвистики, в частности, био-социо-культурного подхода, суть которого излагается читателю наглядно и схематично.

Ключевые слова и фразы: сослагательное наклонение; био-социо-культурный подход; ирреалис; супрарельность; фактивные формы; контрафактивные формы.

Андрей Сергеевич Дружинин
Кафедра английского языка № 1
Московский государственный институт (университет) международных отношений
druzhinin.andrey89@yandex.ru

О СТАТУСЕ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ[©]

Исследовав хотя бы незначительную часть научных работ, посвященных теоретической грамматике английского языка, можно придти к выводу, что проблема сослагательного наклонения как грамматической категории у каждого лингвиста находит свое собственное решение. Одни склонны предлагать все новые модели классификаций внутри категории, основываясь на формальных признаках грамматических конструкций (конъюнктив, субъюнктив, кондиционалис и т.д.), другие стремятся выделить как можно больше семантических характеристик, создавая разветвленную цепь описаний того, что значат эти конструкции (гипотетическое желание, возможность, нереальное условие и т.д.).

Следует отметить, что подобные подходы к описанию языковых явлений складываются из «ортодоксального» (традиционного) понимания языка как системы, функционирующей в речи [1, с. 72], состоящей из единиц, которые уже имеют или под влиянием различных факторов приобретают определенные значения. Тем не менее, выдвинутая У. Матураной теория познания и сложившиеся на ее основе учения когнитивистов последних лет успешно развенчали сложившийся миф, доказав, что все классификационные схемы, какой бы изощренный вид они не принимали, останутся «безжизненными до тех пор, пока не наполнятся дыханием конкретных участников акта коммуникации» [Там же, с. 23]. Введенные в научный оборот понятия наблюдателя (У. Матурана, А. В. Кравченко) и языковой личности (Ю. Н. Караулов, И. К. Архипов) стали отправной точкой в разработке радикально нового теоретического видения языковой системы и процесса речевой коммуникации. Теперь в центре всего человек, а точнее его сознание, которое позволяет накапливать опыт взаимодействия с окружающей средой, что выражается в определенном знании (о явлениях, отношениях, объектах и т.д.). Исторически (а вернее, филогенетически), как и все живые существа, координацию

собственных действий человек производил с помощью коммуникации, прежде всего трактуемой как реакция на изменение состояния окружающей среды. Будучи существом социальным, человек имел способность к лингвистическому взаимодействию («обмену» знаками), что, благодаря особенностям нервной системы, породило новый круг явлений, а именно язык. Использование его происходит по следующей схеме:

- определенный знак (образ графической и/ли звуковой формы) закреплен в сознании человека за определенным содержанием (как результат знания, опыта, т.е. сложившегося в процессе взаимодействия с окружающим миром и другими людьми);
- чтобы достигнуть отдельной прагматической цели (донесения смысла до адресата), человек формирует замысел, а затем знаки, которые ассоциируются в его сознании с тем или иным понятием;
- получившийся результат данной работы сознания (процесса психического) с помощью процесса биологического (моторные сигналы, приводящие в действие артикуляционные органы или движение кисти руки) приобретает вид языковой формы (письменной или звуковой);
- адресат, воспринимая произведенный «речевой материал», посредством подобных психических процессов сопоставляет его со своим знанием (где понятия так же привязаны к знакам), формирует мысль, схожую или отличающуюся от той, что была рождена в сознании отправителя (это, в свою очередь, зависит от того, насколько общим для обоих коммуникантов был опыт, накопленный в процессе взаимодействия с окружающей средой).

Таким образом, постулаты **био-социо-культурного подхода**, описанного выше, довольно убедительно определяют нашу научную позицию в исследовании языкового феномена: мы прежде всего говорим о том, что не формы имеют значение, а о том, что человек сам его создает, лишь оперируя данными формами, которые по сути дела носят сугубо материальный характер. Не форма может изменить значение, а различные индивидуальные параметры знания индивида, который интерпретирует (использует) формы, чтобы понять (донести) содержание. Другими словами, задача, которую мы ставим перед собой в данной статье - попытаться определить, *о чем и как мыслит человек*, выбирая в своей коммуникации формы, называемые в традиционной лингвистике (большинством ученых) грамматическими маркерами (показателями категории) сослагательного наклонения.

Прежде всего стоит напомнить, что понятие категории сослагательного наклонения, как и самого наклонения, в английской грамматике остается предметом нерешенных научных споров. Однако известные теории лингвистов, какого бы взгляда на данную проблему они ни придерживались, можно привести к «общему знаменателю», отметив, что:

- формы сослагательного наклонения (как явление морфологическое по А. И. Сминцкому, Л. С. Бархударову, М. Я. Блоху, И. Б. Хлебниковой и др. или же синтаксическое по О. Есперсену) омонимичны уже существующим в английском языке грамматическим средствам передачи других значений (прошедшего времени, предпрошедшего времени, модальности);
- это обуславливает (или обуславливается тем), что данные формы имеют характер позиционной зависимости: они встречаются только в определенном лингвистическом окружении;
- все формы имеют семантику нереального, или, как это чаще всего обозначается в научном дискурсе, *ирреального действия*.

Подобное обозначение, выбранное лингвистами, не случайно и не является очередной попыткой усложнить терминологический аппарат современной науки. Термин **ирреалис** активно используется в настоящее время для наименования отдельной глагольной категории, маркеры которой относят «описываемую ситуацию не к реальному, а к гипотетическому миру» [5, с. 28], имеющему место «в поле мысленного или воображаемого развития событий» [6, с. 1]. Как отмечает Ф. Пальмер, оппозиция *реалис-ирреалис* приобретает очевидный «технический» характер, поскольку с ее помощью мы не сталкиваемся с проблемными понятиями модальности, наклонения, повествовательности [Там же]. Недаром в словаре лингвистических терминов под ред. О. С. Ахмановой термин *ирреальное наклонение* используется как противопоставление изъяснительному («категориальная форма косвенного наклонения, указывающая не только на то, что данного действия (состояния, процесса) нет в действительности, но что оно и не может произойти»). Действительно, даже несмотря на некоторые разногласия среди ученых в определении четкого статуса ирреалиса (некоторые называют его понятийной категорией, другие склоняются к тому, что это категория морфологическая), его положительная роль, на первый взгляд, не вызывает сомнений. Типологические исследования Дж. Эллиотт, проведенные на материале 16 языков мира, доказывают верность этого утверждения: семы ирреалиса в той или иной мере присутствуют в контекстах прошедшего времени (в особой его разновидности - *хабитуалисе*¹), отрицания, императива, будущего времени и т.п., что даже в самом общем смысле никак нельзя сгруппировать с помощью термина *наклонение* или *модальность* [5, с. 29].

Тем не менее, само понятие реальности, заложенное в основу оппозиции *реалис-ирреалис*, требует не только лингвистического обоснования, но и логической, и что более значимо для данного исследования, когнитивной трактовки. Что касается логической составляющей, то нереальный мир, к которому ирреалис относит описываемую ситуацию, может пониматься с позиции простого противопоставления *истина - неистина*: высказывание *pigs can fly* по логике нереально (ведь данный факт относится к «нереальному миру»,

¹ *Хабитуалис* – глагольные формы с хабитуальным значением, т.е. описывающим «регулярно повторяющиеся ситуации, “привычные” действия, становящиеся характеристиками свойств субъекта» [4].

к «воображаемому развитию событий», и к действительности не имеет никакого отношения), хотя грамматически вполне «реалистично», т.е. правильно. Логические упущения подобного характера привели к тому, что некоторые ученые пытались переосмыслить категорию ирреалиса на функциональной основе. В своей работе «*Irealis and the Subjunctive*» (1994) Т. Гивон рассматривает ирреалис как коммуникативный эквивалент вероятной истины, т.е. когда пропозиция¹ становится «вероятной, желаемой, реализация ее находится под сомнением» [7, р. 267-269], в то время как вероятная (фактическая) истина приобретает у Т. Гивона коммуникативный облик реального утверждения, а не-истина - отрицания. Как кажется, предлагаемый подход еще больше усложняет решение вопроса о статусе ирреалиса в языке (и речи), поскольку включает его в слишком широкий и неоднозначный комплекс оппозиций. Например, не ясно, к какому типу логическо-коммуникативных эквивалентов можно отнести фразу «*He doesn't usually come*» - реального утверждения (вероятная истина) или отрицания (не-истина). На наш взгляд, ключ к разгадке скрывается в анализе того, что есть реальность для человека, вернее для его сознания, а чтобы это определить, мы еще раз обратимся к теории познания У. Матураны и основам био-социо-культурного подхода.

Чтобы понять особенности восприятия реальности человеком, необходимо заглянуть в его биологическую сущность. Как известно, будучи существом метаклеточным, человек обладает развитой нервной системой. Ее в свою очередь стоит рассматривать как *замкнутое структурное единство*, т.е. такую организацию, которая функционирует с целью обеспечивать ориентацию организма в постоянно меняющейся окружающей среде, будучи при этом подчиненной самой себе (от ее строения зависит вся координация организма и его общее восприятие окружающего мира). Иными словами, «нервную систему стоит понимать как единство, определяемое своими внутренними отношениями, <...> для ее функционирования не существует ни внешнего, ни внутреннего мира, она всецело сосредоточена на поддержании корреляций, которые непрерывно меняются» [3, с. 149]. Корреляции эти меняются здесь и сейчас, таким образом, все живые существа всегда функционируют в своем структурном настоящем, что и следует считать **непосредственной реальностью**. «Прошлое как ссылка на взаимодействия и будущее как ссылка на взаимодействия грядущие служат для нас как наблюдателей (*тех, кто воспринимает - прим. автора*) системой координат для взаимного общения, но они не являются действующим началом для организма в каждый момент» [Там же, с. 110].

Соответственно, из этого суждения следует, что реальность, так, как мы ее воспринимаем, понимается нами в неразрывной связи с актуальным настоящим (ибо мы существуем только в нем), а учитывая его бесконечно изменчивый характер и нашу необходимость ориентироваться в нем, мы научились мыслить и говорить о всяких «до» и «после» как компонентах реальности. Однако возникает вопрос: что же значит *нереальность* для нас? Можем ли мы понять нереальное и уж тем более говорить о нем? Ответ на эти вопросы кроется в незамысловатой логической цепочке:

- 1) нереальность - это то, чего нет;
- 2) мы не воспринимаем того, чего не существует (мы не в состоянии это сделать);
- 3) мы не можем мыслить и говорить о том, что мы не воспринимаем (все наши догадки о так называемом «другом мире» в различных вариациях построены на тех мыслительных образах, которые мы воспринимали в реальности и переработали воображением).

Все это говорит о том, что в нашем исследовании термин *ирреалис*, основанный на понятии *нереальность*, не способен дать адекватное объяснение когнитивных особенностей языковых форм сослагательного наклонения (в традиционном обозначении). Но как же эти формы соотносятся с реальностью в нашем ее восприятии и понимании?

Не вызывает сомнения тот факт, что высказывания типа *if I were you* и *it would have happened* весьма отдаленно отражают единственную реальность, то структурное настоящее, в котором мы непосредственно существуем, но по-прежнему бесспорным остается то, что не отражать эту реальность вообще они не могут. Если проанализировать накопленные научные данные (пусть даже и формалистического характера) о «ирреальных» формах на предмет обнаружения здравого «когнитивного» зерна, то можно проследить следующее:

- используя данные формы в общении, человек так или иначе создает систему координат, однако отличающуюся от той, что формируется им для ориентирования в актуальном настоящем (временная соотносительность, система «зависимых», относительных времен, напр.: *If I did / had done - I would do / have done*);
- (прагматическая) цель употребления подобных форм более чем очевидно связана с передачей различных оттенков отношения человека к действительности (желание, возможность, гипотетичность, предположительность).

Из этого всего следует вывод о том, что подобные формы все же координируют участников общения в реальности, но эта реальность иного характера, и координирование не является главной целью, которую преследует в данном случае коммуникант. Предположим, что здесь мы имеем дело с еще одной реальностью, теперь уже не непосредственной (актуальной, понимаемой как структурное настоящее), напрямую отражающейся в сознании из окружающей действительности, а опосредованной, переработанной мышлением, реальностью, т.е. новой действительностью, которая создается самим человеком (его сознанием) как проекция «основной», существующей. То, что происходит и уже произошло, проходит «вторичную мыслительную

¹ **Пропозиция** – некое мыслительное содержание, выражающее определенное «положение дел», событие, состоящее как отношение между логически равноправными объектами [6, с. 42].

обработку» в человеческом сознании и предстает в нем в виде¹ **супрареальности** (определим ее так), надстраиваемой над тем, что человек воспринимает непосредственно в настоящем. Возникает супрареальность в мыслях индивида оттого, что существует потребность **сравнить ее** (как другую, новую реальность) **с актуальной**, что выражается в различных прагматических целях: подчеркнуть, что первая лучше и «он хочет туда», а во второй чего-то не хватает (отсюда разные оттенки желая, сожаления, упрека, возможности, предположения и т.д. - *If only it didn't rain! I wish it had happened. It would happen if you didn't take care*) или наоборот (*Imagine, what would have become of you if you hadn't done this*); оттого, что общее мироощущение языковой личности не позволяет ей сослаться на актуальную реальность в данный момент (неуверенность, стремление быть вежливым, некатегоричным и т.д.).

Обобщим полученные выводы в следующей таблице:

реальность	мыслительное содержание (понятие)	супрареальность
восприятие актуального настоящего окружающего мира, в котором существует человек	«биологическая основа»	обработанная мышлением собственная реальность сознания, «надстроенная» над образами (образом) непосредственной реальности, воспринимаемой человеком из окружающего мира
то, как сознание воспринимает реальность, определяет следующий ее характер: она может быть <i>истинной, ложной</i> (Pigs can fly), <i>образной</i> (Harry Potter left home for Hogwarts)	характеристика (с позиции логики)	то, зачем сознание «надстраивает» супрареальность, определяет отсутствие критерия истинности в ее характеристике (<i>If only pigs could fly - if only pigs couldn't fly</i>), но предполагает фактор образности (<i>Harry Potter wouldn't have left home for Hogwarts if he hadn't found the platform</i>)
фактивные формы (<i>He is going to bed</i>)	оформление с помощью языка (языковывание)	контрафактивные формы (<i>It's time he went to bed</i>)

Введенный термин *фактивные* и *контрафактивные формы*, как представляется, наилучшим образом способен определить те языковые средства, которые используются для вербализации описываемых понятий реальности и супрареальности (*контрафактивный - противоречащий, не соответствующий актуальной реальности, но не являющийся ирреальным, нереальным*).

В завершение стоит отметить, что предпринятая попытка исследовать когнитивный механизм функционирования языковых форм со значением контрафактивности (в традиционной литературе - нереальности) оставляет пространство для дальнейшего научного изучения. В первую очередь, требуется раскрыть знаковую природу данного явления, т.е. определить, какие именно языковые средства и каким образом служат указателями супрареальности в сознании человека. Во-вторых, представляется необходимым ответить на вопрос: может ли понятие супрареальности считаться прототипическим² грамматическим значением контрафактивных форм? В-третьих, следует глубже рассмотреть прагматическую сторону явления (для каких конкретных целей и в каких ситуациях говорящий ссылается на подобную супрареальность).

Список литературы

1. **Архипов И. К.** Язык и языковая личность: учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный дом», 2008. 248 с.
2. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/> (дата обращения: 27.02.2012).
3. **Матурана У., Франциско В.** Древо познания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
4. **Плунгян В. А.** Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Издательство Московского университета, 1997. Т. 1 / ред. М. Ю. Черткова.
5. **Урманчиева А. Ю.** Седьмое доказательство ирреалиса // Исследования по теории грамматики. М.: Гнозис, 2004. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность / ред. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. С. 28-75.
6. **Худяков А. А.** Теоретическая грамматика английского языка. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 256 с.
7. **Givón T.** Irrealis and the Subjunctive // *Studies in Language*. Amsterdam, 1994. № 18 (2). P. 265-337.
8. **Palmer F. R.** Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 234 p.

¹ На данном этапе избежим употребления стандартных когнитивных терминов «мыслительный образ», «концепт» и «мыслительная репрезентация», поскольку нам еще предстоит исследовать общую когнитивную природу супрареальности на предмет соответствия данным определениям.

² **Прототипическое значение** – содержательное ядро значения, указание на главный признак (при множестве других), который идентифицирует понятие, всегда несущий коммуникативно значимый смысл.

ABOUT SUBJUNCTIVE MOOD STATUS IN THE ENGLISH LANGUAGE IN THE LIGHT OF COGNITIVE LINGUISTICS

Andrei Sergeevich Druzhinin
Department of the English Language № 1
Moscow State Institute (University) of International Relations
druzhinin.andrey89@yandex.ru

The author attempts not so much to solve the problem of the Subjunctive as a grammatical category of the English language as to answer the questions “What is the Subjunctive Mood overall? What for and how do we use this language form in our communication?”. Contemporary linguistics achieves such research aims by applying the latest data of cognitive linguistics, particularly bio-socio-cultural approach, which essence is given to the reader in a most schematic and illustrative way.

Key words and phrases: Subjunctive Mood; bio-socio-cultural approach; irrealis; suprareality; factuais; counterfactuals.

УДК 882

В статье анализируется рассказ Саши Черного «Купальщики» (Несерьезные рассказы. Париж, 1928), написанный в импрессионистическом стиле. Произведение наполнено легким, беззаботным настроением, гармония в природе перекликается с гармоничным состоянием человека. Стилистическое решение во многом обуславливает и жанровые особенности: небольшие части рассказа представляют собой стихотворения в прозе. «Купальщики» становятся кульминационным произведением сборника рассказов, посвященных проблемам обустройства, поиска своего места в новом для русского эмигранта мире.

Ключевые слова и фразы: Саша Черный; рассказ; импрессионизм; точка зрения; прием остранения; жанр; стихотворение в прозе.

Марина Анатольевна Жиркова, к. филол. н.
Кафедра литературы и русского языка
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
manp@mail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗА САШИ ЧЕРНОГО «КУПАЛЬЩИКИ»[©]

Рассказ «Купальщики», входящий в сборник «Несерьезные рассказы» (Париж, 1928), состоит из трех небольших частей: «Мул», «Молодая собака», «Мальчик с селезнем», объединенных между собой героями и морем. Они близки в жанровом плане к очерковым зарисовкам или эскизам с натуры. Само произведение написано в импрессионистическом стиле. Несколькоими штрихами передано гармоничное состояние, радостное настроение, как природы, так и человека. Доминируют светлые краски: залитый солнцем морской берег, желтый песок, голубое небо, розовая туча, светло-зеленое море. Именно в этом рассказе возникает ощущение знаменитого «пленэра» импрессионистов: на страницы врывается свежий ветер, запах моря, сосен, искренний и беззаботный смех детей. Проблемы обустройства, поиска своего места в новом для русского эмигранта мире, характерные для сборника «Несерьезные рассказы» в целом, сменяются небольшими легкими зарисовками, посвященным отдыху, детским забавам. Позиция писателя здесь предельно ясна: он с улыбкой, любуясь, смотрит на своих героев, получая от увиденных, точнее, созданных им картин не меньшее удовольствие, чем его герои от купания в море.

Вместе с главными героями - детьми - появляются еще одни из любимых героев Саши Черного - животные. В первой части купанием в море наслаждается мул, боится и не любит воды маленькая собачка Хэпи - во второй, и мальчик пытается спасти от засухи и отсутствия водных процедур селезня - в третьей части. В повествовательную ткань рассказа входит восприятие, сознание и даже речь животных. Так, изнывает от духоты и нервничает от нетерпения мул в конюшне: «Купаться так купаться... Чего зря томить? В спину пыль вьелась, а почесать нечем...»; или скулит, отвечая на зов детей, Хэпи, не желающий купаться: «Пожалуйста... Умоляю вас... Подойдите лучше вы ко мне! Я оближу ваши руки и пятки, перевернусь через голову два или еще два раза... Отнесу в зубах ваши купальные костюмы, хотя соленая вода так противна... только не зовите меня к себе...» и тут же, когда дети уворачиваются от языка собаки, обращается к читателям: «Видите - даже целоваться в такую минуту запрещают...» [8, с. 203].

Это совсем не удивительно для детского творчества писателя. В эмиграции Саша Черный много пишет для детей. В 1927 г. был опубликован «Дневник фокса Микки», о чудесном и замечательном Микки, «первой собаке, умеющей писать». Целое произведение написано в форме дневника, который ведет маленькая